

Н.Н. Никс

МОСКОВСКАЯ ПРОФЕССОРСКАЯ КУЛЬТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

В статье представлен социальный портрет московской профессуры второй половины XIX — начала XX вв. Основой исследования послужили источники личного происхождения и многочисленные статистические материалы. Приводятся сведения о социальном положении, научной, педагогической и общественной деятельности, показана роль московских профессоров в становлении отечественной науки и высшего образования в пореформенной России, а также в формировании нового типа личности и культурных связей в российском обществе на рубеже веков.

Аннотация

Сегодня, в период поиска путей и перспектив развития высшей школы, представляется целесообразным обратиться к традициям отечественного высшего образования, в частности к вопросу о роли профессуры в условиях модернизирующегося российского общества. Буржуазные реформы середины XIX в. способствовали углублению культурных интеграционных процессов, а атмосфера первых пореформенных десятилетий и либеральный общественный подъем приводили к «необычайным успехам умственного движения» (К.А. Тимирязев). В эти годы особенно вырос авторитет отечественной науки и «ученого сословия» — профессоров, составлявших наиболее активную часть интеллектуальной элиты страны. Крупные академические школы получили не только общероссийское, но и мировое признание: в России проводились международные съезды, русские ученые избирались почетными членами европейских академий и научных обществ. Особое место среди столиц мировой науки принадлежало Москве.

Стремительный взлет, совершенный отечественной наукой во второй половине XIX в., является особенно значимым в связи с тем, что она не имела длительной исторической традиции, как, например, в Европе, а отечественная профессура, зародившаяся только в конце XVIII — начале XIX в., оформилась в особую социальную общность лишь к середине позапрошлого столетия. Однако, несмотря на сравнительно позднее социально-правовое становление профессуры,

Социальный портрет

ее роль в развитии отечественной культуры чрезвычайно велика и включает в себя широкий спектр научно-педагогических, общественно-культурных и просветительских начинаний. Всероссийские съезды ученых-естествоиспытателей, врачей, археологов, юристов стали не только новой формой научной жизни, но и определенной социальной практикой коллективного обсуждения актуальных вопросов науки и жизни. Отечественная профессура, наряду с крупнейшими деятелями литературы и искусства, стояла у истоков формирования нового типа личности и новых культурных связей, способствовала актуализации в русском обществе идей свободы, правового сознания и нравственной ответственности.

Среди российской интеллигенции профессора высшей школы составляли особую группу, отличавшуюся от прочих образованием, родом деятельности, положением в обществе. Вместе с тем правовой статус профессорской интеллигенции оставался прежним и регламентировался в соответствии с общероссийским законодательством и университетским уставом. Еще со времени введения устава 1804 г. предоставившего российским университетам широкую автономию, за каждым ученым закреплялся определенный класс в Табели о рангах: ректоры вузов имели чин действительного статского советника, что соответствовало IV классу, ординарный и экстраординарный профессора — чины статского (V класс) и коллежского (VI класс) советников соответственно, дававшие право на потомственное дворянство.

Определить численность профессоров довольно сложно. Во-первых, статистические данные рассредоточены в документации тех министерств и ведомств, которым были подотчетны учебные заведения. Главным образом это сборники справочных сведений Министерства народного просвещения, а также отчеты учебных отделов Министерства внутренних дел, Министерства торговли и промышленности, Министерства земледелия и государственных имуществ. Во-вторых, многие профессора одновременно работали в нескольких учебных заведениях. Более того, штат некоторых негосударственных учебных заведений (например, Московских высших женских курсов) почти полностью состоял из профессоров университета.

Но в любом случае московская профессура определенно являлась численно небольшой группой. По переписи Москвы 1902 г. общее число жителей составило около 1,6 млн человек, из них чуть более 20 тысяч — представители интеллектуальных профессий: педагоги, ученые, литераторы, люди искусства¹. Среди последних профессоров было на 1902 г. 182 человека, или 0,88% от всех групп интеллигенции Москвы². Однако при этом, по замечаниям ряда исследователей, изучающих вопросы развития высшего образования в России, Москва была «пропитана» ученым духом, в ней

¹ Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Население. Вып. 2. М., 1902. С. 6—7.

² Список лиц, служащих по ведомству министерства народного просвещения на 1902 г.

сам ритм жизни был соразмерен научной деятельности³. Этого не было в столице и других университетских городах. В Московском университете больше, чем в других российских университетах, защищалось диссертаций и присваивалось докторских и магистерских степеней: в 1854 г. — 19,4%, в 1874-м — 24,7%, в 1898-м — 32,7%, в 1901-м — 39,3% от общего числа присвоенных степеней по университетам⁴.

Далее мы будем оперировать в основном данными о профессуре четырех московских вузов, находившихся в ведении Министерства народного просвещения (см. табл. 1).

Табл. 1 Численность профессоров Москвы второй половины XIX — начала XX в. (по основным высшим учебным заведениям Министерства народного просвещения с учетом совместителей)

Учебные заведения	1852 /53	1874 /75	1890 /91	1901 /02	1916 /17
Московский университет	37	48	81	99	97
Императорское техническое училище	12	11	9	18	20
Лазаревский институт восточных языков	3	6	10	12	7
Лицей в память цесаревича Николая	—	н. д.	9	4	9
Итого	52	65	109	133	133

Источники: Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1852/53, 1862/63, 1874/75, 1884/85, 1900/01 уч. годы (Справочная ведомость о наличном составе штатных и сверхштатных преподавателей); Список лиц, служащих по министерству народного просвещения, за 1916 г.; Формулярные списки преподавателей Лазаревского института восточных языков. ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. N 263, N 1176, N 1816.

В социальном плане профессура представляла собой весьма неоднородную группу (табл. 2). По данным таблицы видно, что за шестьдесят с лишним лет процент дворян в московских вузах практически не изменился — чуть более 1/3 от общего числа профессоров. Это обстоятельство можно объяснить изменением представлений общества о роли науки и интеллектуальной элиты, «ученого сословия» в социальной, культурной и общественной жизни. Была и более прагматичная причина, по которой некоторые представители дворянства вставали на путь ученой карьеры: процессы модернизации общества привели к тому, что некоторые выходцы из дворянских семей, нуждаясь в средствах к жизни или следуя призванию, приобретали интеллигентные профессии. Этому способствовали также успешное развитие отечественной науки и признание русских ученых за границей, что, безусловно, вело к повышению престижа

³ Университет для России / Под ред. Л.Б. Хорошиловой, В.В. Пономаревой. М., 2000. С. 17—20.

⁴ Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за соответствующие годы.

научно-преподавательской деятельности среди всех слоев общества, в том числе и дворян.

Табл. 2 **Социальный состав профессоров московских высших учебных заведений**

Сословия	Численность, чел.			Структура, %		
	1853	1902	1916	1853	1902	1916
Из дворян	18	53	44	34,6	42,2	34,5
Из духовного звания	14	13	10	27,0	10,4	7,8
Из почетных граждан и купцов	1	14	22	1,9	11,2	17,1
Из мещан	3	11	16	5,7	8,8	12,5
Дети чиновников	2	3	16	3,8	2,4	12,5
Дети обер-офицеров	5	21	8	9,7	16,9	6,2
Иностранцы	6	7	2	11,5	5,7	1,6
Прочие	3	3	10	5,8	2,4	7,8
Итого	52	125	128	100,0	100,0	100,0

Источники: Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за 1853 г. Спб., 1854; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за 1902 г. Спб., 1903; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за 1916 г. Спб., 1917.

Изменения в социальной структуре российского общества, проявившиеся в постепенном размывании сословных границ, привели к тому, что профессорский корпус Москвы заметно пополнился выходцами из мещан, купцов, семей мелких чиновников и офицеров. За 60 с небольшим лет их общая численность выросла более чем в два раза — с 21 до 48,3%. Вместе с профессорским званием человек приобретал новое положение в обществе, зачастую отрываясь от своей социальной среды. Получив ученую степень, сын мещанина или крестьянина поднимался на более высокую ступень общественной иерархии, переходил в привилегированную часть общества. Таким образом, профессорская интеллигенция самим фактом своего существования выходила за рамки традиционной сословной структуры общества и нарушала замкнутость сословного деления.

Что касается вероисповедания, то профессорский корпус московской высшей школы рекрутировался главным образом из православных по религиозной принадлежности и в большинстве своем русских по национальности (табл. 3). При этом доля профессоров лютеранско-католического вероисповедания устойчиво сокращалась. Объясняется это в первую очередь тем, что в середине XIX в. среди профессоров Москвы был еще сравнительно высок процент иностранных преподавателей из зарубежных университетов (около 27%), традиция приглашения которых на российские кафедры берет начало во второй половине XVIII в., когда собственных научных кадров в России еще не было. Но по мере развития высшего образования и становления собственных научных школ и направлений потребность в иностранных преподавателях существенно сократилась, и

в начале XX в. в рассматриваемых московских вузах православные составляли около 90% всех преподавателей.

Табл. 3 **Вероисповедание профессоров
московских высших учебных заведений**

Вероисповедание	Численность, чел.			Структура, %		
	1853	1902	1916	1853	1902	1916
Православные	36	107	111	69,3	85,6	86,8
Лютеране	9	11	9	17,4	8,8	7,0
Католики	5	3	6	9,6	2,4	4,6
Прочие	2	4	2	3,8	3,2	1,6
Итого	52	125	128	100,0	100,0	100,0

Источники: Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за соответствующие годы.

Анализ возрастного состава профессоров и преподавателей государственной высшей школы Москвы свидетельствует о том, что наибольшее число составляли преподаватели в возрасте от 40 до 60 лет — около 70%. Причем на протяжении второй половины XIX — начала XX в. наблюдается устойчивая тенденция дальнейшего «постарения» профессорского состава Москвы: в начале XX в. заметно увеличивается число профессоров старше 60 лет (см. табл. 4). Во многом этому способствовала активизация общественно-политической жизни, когда оппозиционно настроенные молодые преподаватели покидали научное поприще и целиком посвящали себя общественной деятельности, как, например, П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, С.А. Муромцев и др.

Табл. 4 **Возрастной состав профессоров
московских высших учебных заведений**

Возраст	Численность, чел.			Структура, %		
	1853	1902	1916	1853	1902	1916
До 40 лет	17	16	5	32,7	12,8	3,9
40—49 лет	22	38	50	42,4	30,4	39,0
50—59 лет	12	50	40	23,0	40,0	31,2
60—69 лет	1	17	27	1,9	13,6	21,2
Старше 70 лет	—	4	6	—	3,2	4,7
Итого	52	125	128	100,0	100,0	100,0

Источники: Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за соответствующие годы.

Подавляющее большинство профессоров являлись только чиновниками, поскольку не имели приносящей доход недвижимости (имения, доходные дома, промышленные предприятия). По данным на 1853 г. более половины (61,5%) всех профессоров Москвы не имели никакой собственности (см. табл. 5) и жизненные блага им в основном доставлял только педагогический труд, оценка которого властью, выраженная в установленной законом заработной плате, их абсолютно не устраивала.

Табл. 5 Имущественное положение профессоров Москвы

Собственность	Численность, чел.			Структура, %		
	1853	1902	1916	1853	1902	1916
Имение	18	17	9	34,6	13,6	7
Иная собственность	2	9	8	3,8	7,2	6,3
Не имели собственности	32	99	111	61,6	79,2	86,7
Итого	52	125	128	100,0	100,0	100,0

Источники: Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за соответствующие годы.

В целом в конце XIX — начале XX в. вопрос о справедливой оплате труда профессоров и преподавателей приобрел общественное звучание и стал частью требований глубокой реформы высшей школы. Речь шла не только о недостаточности средств, отпускаемых на оплату научно-педагогической деятельности, но и о явной недооценке властью высокого значения профессорской деятельности.

Крайне стесненные материальные условия жизни были одной из причин того, что многие профессора и преподаватели, особенно молодые, не могли себе позволить иметь семью и детей. На протяжении второй половины XIX в. около трети всех профессоров были одиночками (см. табл. 6).

Табл 6 Семейное положение профессоров московских высших учебных заведений

Семейное положение	Численность, чел.			Структура, %		
	1853	1902	1916	1853	1902	1916
Семейные	38	92	108	73,0	73,6	84,3
Из них имели детей	30	75	82	57,7	60,0	64,0
Одинокие	14	33	20	27	26,4	15,7
Итого	52	125	128	100,0	100,0	100,0

Источники: Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, за соответствующие годы.

К началу XX в. ситуация несколько изменилась и число одиноких сократилось до 15%, но тем не менее дети были далеко не у всех: чуть больше 60% всех семейных преподавателей имели детей.

Немаловажную роль играла и страстная увлеченность многих профессоров научной и преподавательской деятельностью, которая для некоторых из них была главным делом жизни, так что вопросы создания семьи и рождения детей отходили на второй план и в ряде случаев так и не реализовывались. И все же в целом, несмотря на эти трудности, для многих профессоров семья была одной из значимых сторон жизни. Существовали и многодетные профессорские семьи — с четырьмя и более детьми. Главным образом эти профессора либо были выходцами из духовного звания с устойчивыми православными традициями воспитания, либо принадлежали к более или менее обеспеченному мелкопоместному дворянству или купечеству. Так, ректор университета М.К. Любавский, будучи сыном священнослужителя, имел шестерых детей, профессор богословия Н.И. Боголюбский — семерых, профессор всеобщей словесности и также сын священнослужителя в четвертом поколении Е.В. Амфитеатров — шестерых, дворянского рода профессор А.П. Гавриленко — шестерых, профессор В.В. Марковников, тоже из дворян, — восьмерых детей.

Итак, во второй половине XIX в. Москва продолжала сохранять за собой значение крупнейшего научного центра страны. Несмотря на постоянно увеличивающееся число вузов, в Москве по-прежнему были сосредоточены лучшие научно-педагогические силы страны. Особая заслуга в сохранении лучших традиций подготовки кадров для науки и высшей школы принадлежала старейшему вузу страны — Московскому университету, в котором было сосредоточено до 80% всего профессорского корпуса Москвы. В социальном плане московская профессура составляла единую группу, объединенную выполняемой ею общественной функцией. Группа эта имела ряд общих признаков, единые юридически установленные права и обязанности. Не случайно современники воспринимали ее как особое «ученое сословие». Вступая на путь ученой деятельности, человек приобретал новое положение в обществе, во многих случаях отрываясь от породившей его социальной среды. Получив ученую степень, сын дьяка, мещанина или крестьянина поднимался на более высокую ступень общественной иерархии, переходил в привилегированную часть общества. Таким образом, самим фактом своего существования профессура способствовала глубинным изменениям социальной структуры общества и формированию новой социальной системы модернизирующегося общества.

Подавляющее большинство источников свидетельствует, что потребность в интеллектуальной деятельности у будущих профессоров формировалась под непосредственным влиянием семьи. Большинство — 41 из 70 — родились в дворянских семьях с устойчивыми традициями воспитания, что сыграло значительную роль при выборе характера будущей деятельности. Вместе с тем анализ источников наглядно показал, что не только в дворянских семьях, но и в семьях духовенства, купечества, средних и мелких чиновников интерес к науке и культуре, а также необходимость дать детям хорошее образование получали все более широкое признание.

Воспитание
и образование

В большой степени стремлению к научному творчеству способствовало раннее увлечение литературой: в семьях абсолютного большинства профессоров чтение книг и журналов составляло излюбленный вид досуга. Круг чтения был весьма разнообразен. В основном это произведения русских классиков XIX в., а также философские и исторические книги. Читать будущие профессора очень любили, «проглатывали» книги (М.И. Коновалов, С.А. Муромцев), «знали чуть не наизусть творения наших великих мастеров слова» (А.Г. Столетов), читали «все без руководства и указаний» (И.М. Сеченов). Под влиянием родителей у будущих профессоров с детства формировались навыки работы с литературой, с раннего возраста они учились делать выписки из книг и составлять свои собственные маленькие библиотечки. Воспитание литературой имело и огромное нравственное значение. М.М. Ковалевский писал, что «чтение по вечерам отрывков из Пушкина, Гоголя и других писателей считалось наградой за доброе поведение и прилежание...»⁵.

Особая роль отводилась в семьях изучению иностранных языков, причем этот процесс осуществлялся естественно, без особых усилий и указаний со стороны. Преобладающим иностранным языком был немецкий — основной язык науки XIX в. Далее шли английский и итальянский (язык искусства) и лишь затем французский — язык официального двора и салонов. Как правило, французскому языку обучались дети из дворянских семей, где это было скорее старой доброй традицией, нежели потребностью времени.

Иностранному языку и грамоте начинали обучать в раннем детстве, и к моменту поступления в гимназию дети уже неплохо могли читать и переводить иностранные книги. Все без исключения профессора владели иностранными языками, среди них встречались те, кого принято называть полиглотами. Особенно яркий пример в этом отношении является личность профессора языкознания Ф.Е. Корша. Он обладал исключительными языковыми способностями, при том что в детстве дважды перенес тяжелую болезнь головного мозга, которая, как правило, заканчивалась слабоумием. Но это не помешало ему довольно рано научиться читать («по вывескам и заглавиям»), а в гимназические годы серьезно заняться изучением языков. Помимо европейских Корш знал многие древние языки, включая санскрит, арабский, персидский, турецкий — всего около 40 языков и наречий. В.О. Ключевский любил повторять, что Корш «был главным секретарем при вавилонском столпотворении»⁶.

Однако блестящие природные способности были не единственным побудительным мотивом к интеллектуальной деятельности. В немалой степени этому способствовали годы учебы в гимназиях и училищах. Ф.И. Буслаев вспоминал: школьное обучение «пробудило во мне любовь к науке, которая потом навсегда сделалась предметом и целью всей моей жизни»⁷. Помимо знаний средние учебные

⁵ Ковалевский М.М. Мое научное и литературное скитальчество // Русская мысль. 1895. № 1. С. 61.

⁶ Там же.

⁷ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1887. С.85—86.

учебные заведения предоставляли детям возможность развития коммуникативных качеств. В этом смысле значение школы как первой ступени в процессе социализации личности было очень велико. Средняя школа приучала к систематическому труду, дух соревновательности развивал здоровое честолюбие, а промахи и неудачи заставляли проявлять настойчивость и целеустремленность. Большинство авторов пишут о гимназических годах с признательностью и теплотой. Как правило, в гимназиях будущие профессора учились на «отлично» и пользовались уважением преподавателей и авторитетом у одноклассников. Не меньшее значение, чем приобретение необходимых знаний, имел фактор межличностного общения со сверстниками. В школьные годы у юных учеников проявлялись те черты характера, которые станут определяющими в дальнейшей жизни. Это в первую очередь честность, открытость, дружелюбие, готовность помочь нуждающемуся, целеустремленность, умение видеть и ценить в людях прежде всего положительные качества. В источниках есть указания на то, что многие будущие профессора пользовались колоссальным авторитетом у товарищей не столько за интеллектуальные способности и успехи в учебе, сколько за человеческие качества.

Следующим важным этапом в становлении личности будущих профессоров было поступление в университет. Многие из них оценивали этот момент своей жизни как глубочайший психологический перелом. «Великий жизненный перевал» — так писал о поступлении в университет Ф.И. Буслаев⁸; «Никогда я не забуду то утро в сентябре 1876 г., когда я в первый раз шел в университет и считал, что все встречные должны мне завидовать, потому что я студент Московского университета, и я не ошибался», — вспоминал профессор химии И. А. Каблуков⁹. О времени обучения в университете профессора всегда вспоминали с «восторгом» (Н.С. Тихонравов), с «теплотой и благодарностью» (Б.Н. Чичерин), с «сердечным участием» (И.М. Снегирев).

Студенческая пора многих профессоров пришлась на пореформенные годы. Это было время серьезной учебы, творческих научных поисков, острых споров по животрепещущим вопросам. Атмосфера, царившая в университете в 1860—1870-е годы, способствовала укреплению связей между профессорами и студентами. Отношения между воспитанниками и преподавателями носили дружеский, семейный характер: не было учителей и учеников, разделенных сословными перегородками, всех объединяло увлечение мыслью, поиском научной истины. Университет был пронизан дружескими обществами, а регулярные встречи у профессоров дома (так называемые «среды», «пятницы» или «субботы») являлись неотъемлемой частью университетской жизни.

⁸ Буслаев Ф.И. Там же. С. 1.

⁹ Каблуков И.А. Из воспоминаний о химии в Московском университете с семидесятых годов XIX в. // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 507—508.

Научная деятельность

Учитывая то, что уже в раннем возрасте многие будущие профессора обнаруживали ярко выраженную склонность к интеллектуальной деятельности, очевидным является факт, что для подавляющего большинства из них (49 из 70) наука была едва ли не абсолютной жизненной ценностью. Занятия научным трудом рассматривались профессорами как священная миссия, как служение, ради которого многие из них готовы были «идти на всякие беды и лишения, лишь бы можно было заниматься любимым делом ... любимой наукой»¹⁰, готовы были «ехать на край света и употребить на это все свои усилия»¹¹.

В любых условиях, в любые периоды жизни, в самые тяжелые годы научная деятельность не прекращалась: это был ежедневный, ежечасный труд. М.С. Корелин в конце каждого месяца подводил итоги своей деятельности с занесением в записную книжку количества часов и минут, отведенных на научную и педагогическую работу в день, и очень сокрушался, если не удавалось работать более двух часов в день. Почти хрестоматийным стал беспрецедентный научный и человеческий подвиг С.М. Соловьева, который, несмотря на активную преподавательскую, общественную и административную деятельность, ежедневно на протяжении тридцати лет работал над «Историей России», выпуская каждый год по тому. Спустя годы ученик С.М. Соловьева Б.Н. Чичерин писал: «Жизнь Соловьева — это жизнь, посвященная мысли, труду, любимому университету... жизнь чистая, полная и ясная... Россия может им гордиться»¹².

Блестящие результаты, достигнутые профессорами на научном поприще, были невозможны без систематического, ежедневного труда, сопряженного с огромными затратами душевных и физических сил. Так, например, профессор церковной истории Московской духовной академии А.П. Лебедев в результате ежедневных многочасовых занятий очень рано испортил зрение. Но, несмотря на это, он продолжал работать с колоссальной интенсивностью и, если «не хватало своих глаз», нанимал опытных чтецов, чтобы всегда быть в курсе научно-литературного движения. Научным подвигом можно считать пятилетний труд Ф.И. Буслаева над почти 900-страничным Русским лицевым апокалипсисом. Ученый начал эту работу, когда ему шел седьмой десяток, и к моменту ее завершения практически полностью потерял зрение¹³. О значимости этого труда свидетельствует высказывание одного из крупнейших знатоков археологии христианского Востока П. Мартинова, который отмечал, что Русский лицевой апокалипсис заставляет завидовать западную науку русской¹⁴.

¹⁰ Огнев С.И. Заслуженный профессор И.Ф. Огнев (1855—1928). На основе рукописных записок И.Ф. Огнева и личных воспоминаний. М., 1944. С. 32.

¹¹ Воспоминания о Н.Е. Зернове // Любимов Н.А. Мой вклад. М., 1887. Т. 2. С. 788.

¹² Чичерин Б.Н. Мои воспоминания. Москва 1840-х годов. // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 133.

¹³ Кирпичников А.И. О Ф.И. Буслаеве // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь... Т. 5. М., 1897. С. 310.

¹⁴ Там же.

Колоссальное трудолюбие было характерной чертой подавляющего большинства профессоров, причем сами они расценивали это свойство как само собой разумеющееся, не подлежащее сомнению. Профессора химии М.И. Коновалова — авторитетного ученого и блестящего преподавателя — коллеги и ученики называли между собой «самознергией» за его кипучую и неутомимую деятельность, всецело посвященную интересам науки: «...Не беда, что идет уже 14-й или 15-й час дневной работы, не беда, что отчаянный мигрень стучит ему в висок... работа и работа. Он и работа нераздельны... На вопрос о том, когда он обедает, он отвечал с присущей ему простотой: "В 7 часов утра и в 12 часов ночи. Иначе нельзя"»¹⁵. Профессор Ф.А. Бредихин, по мнению коллег, был «Божьей милостью астроном». Во время работы он забывал о распорядке жизни. Он умел работать с невероятным упорством и напряжением. По воспоминаниям коллег и учеников, «когда на небе происходили какие-нибудь важные астрономические явления ... он приезжал на лекцию прямо из обсерватории, по обыкновению бодрый и свежий, и только слегка припухшие веки да чуть-чуть покрасневшие белки глаз указывали на то, что им проведена бессонная ночь»¹⁶. Другой выдающийся ученый — П.Н. Лебедев также отличался неутомимой настойчивостью и целеустремленностью в работе. Для доказательства существования давления света на газы он потратил более десяти лет упорного труда, который прерывался часто повторяющимися приступами сердечной болезни. Результаты многократно оправдали затраченные усилия: профессор А.А. Эйхенвальд назвал его работу «верхом экспериментального искусства современной физики», а Лондонский королевский институт избрал П.Н. Лебедева своим почетным членом¹⁷.

Вместе с тем процесс научного творчества и радость открытия новых истин не отгораживали профессоров от ученого мира, не делали их заложниками собственных успехов. Научное тщеславие, самолюбование и интеллектуальная гордыня не были присущи профессорам. В социально-психологическом отношении их отличали научная открытость и доступность, желание поделиться радостью исследовательского труда с коллегами и учениками, широкое обнародование результатов исследований. Все это составляло нравственную основу их научной деятельности. Несмотря на заслуги и известность, профессора были абсолютно равнодушны к официальным почестям и наградам и о своих достижениях говорили очень скромно. Научный Олимп был чужд и неуютен для многих профессоров. Н.Я. Грот в одном из писем родителям говорил следующее: «Вообще я убеждаюсь, что истинная наука не драпируется в тогу ученой серьезности и глубокомыслия. Эта драпировка нужна только пустоголовым, которые боятся, чтобы их не смешали с толпой»¹⁸.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Щетинин Б.А. Ф.А. Бредихин. Страничка из воспоминаний // Исторический вестник. 1904. № 7. С. 118.

¹⁷ Тимирязев К.А. Смерть Лебедева // Сочинения. М., 1939. Т. VIII. С. 318.

¹⁸ Там же. С. 36.

Преподава-
тельская
деятельность

В неразрывном единстве с научными занятиями находилась преподавательская деятельность московской профессуры. Большинство представителей профессуры Москвы еще в студенческие годы решили связать свою судьбу с преподавательской работой по избранной специальности. Преподавание было для многих из них неотъемлемой частью жизни, а может быть, и самим образом жизни. Один из самых увлеченных и эмоциональных профессоров — Н.Я. Грот по этому поводу писал: «Я был нравственно болен, ослабел и утратил бодрость духа вследствие боязни, что моя ученая карьера будет разбита необходимостью бросить профессуру...»¹⁹.

Важнейшей частью педагогической деятельности профессоров было чтение лекций. К ним готовились самым тщательным образом, стараясь донести до слушателей новейшие сведения в той или иной области научного знания. По этой причине многие профессора старались не читать дважды один и тот же курс, составляя на каждый учебный год новый. Помимо безусловного лекторского таланта почти всех профессоров отличала широкая эрудиция, философское осмысление научных проблем в сочетании с глубиной анализа, которые они с успехом демонстрировали на лекциях. Многие были разносторонне одаренными людьми, что также привлекало к ним молодежь. В отношениях со студентами большинство профессоров были очень тактичны и доброжелательны: вежливость, учтивость, иногда даже ласковость, искренняя заинтересованность в студентах определяли атмосферу учебных заведений. Естественно, что все это в совокупности делало профессоров невероятно притягательными личностями, которых хотелось слушать, с которыми хотелось общаться, которым хотелось подражать.

На историко-филологическом факультете, пользовавшемся заслуженной славой на протяжении всей его дореволюционной истории, читали лекции С.М. Соловьев, П.Н. Кудрявцев, С.В. Ешевский, Н.С. Тихонравов, Ф.И. Буслаев, В.И. Герье, М.С. Корелин, В.Ф. Миллер, Ф.Ф. Фортунатов, Ф.Е. Корш, В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, Н.И. Стороженко, Н.Я. Грот. Их лекторские таланты были разноплановы: кто-то блестяще читал обзорные, панорамные лекции, ярко представляя общую картину эпохи или явления; кому-то лучше удавалось чтение специальных курсов, требовавших углубления в предмет и анализа мельчайших деталей.

Большой интерес у студентов вызывали лекции С.М. Соловьева, хотя они и не отличались особой эмоциональностью. Соловьев всегда читал сжато, по-деловому, «сухо, никогда не одушевляясь»²⁰, не прибегал к приемам ораторского искусства ни в студенческой аудитории, ни на публичных выступлениях. Однако это нисколько не умаляло того влияния, которое его лекции оказывали на слушателей. Так, например, В.О. Ключевский говорил о лекциях учителя:

¹⁹ Грот Н.Я. Письма Я.К. Гроту // Н.Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 45.

²⁰ Автор неизвестен — П.Б. Воспоминания о С.М. Соловьеве // Русский архив. 1907. № 8. С. 553.

«За живое задевает его здоровая, критическая мысль, подчас не чуждая самой трезвой поэзии»²¹. Профессор и ученый были нераздельно слиты в личности Соловьева. Позднее, давая оценку деятельности своего учителя, Ключевский первым отметит эту особенность и напишет, что «...чтение Соловьева... не било ни на чувство, ни на воображение, но оно заставляло размышлять. С кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете»²². В отношениях со студентами Соловьев был одним из немногих профессоров, кто держался с ними безусловно вежливо, но отстраненно, дома у себя никого не принимал и все учебные вопросы предпочитал решать в стенах университета. Это объяснялось исключительной занятостью на службе (профессор, декан, ректор), чтением публичных лекций и ежедневным трудом над «Историей России».

Говоря о профессорах-историках, нельзя обойти вниманием личность ученика Соловьева В.О. Ключевского — «талантливого до гениальности лектора-чародея»²³, «самородка русской науки»²⁴. Он, бесспорно, принадлежит к числу самых ярких творческих людей России второй половины XIX в. В нем удивительнейшим образом сочетались «сила научной мысли с художественной изобразительностью изложения и с артистическим искусством произнесения. ...Ключевский был гениальным профессором, в котором органически слились глубокий ученый, тонкий художник слова и вдохновенный лектор-артист»²⁵.

Лекторский талант Ключевского в считанные минуты пленял слушателей, ярко рисуя перед ними события и образы минувших эпох. Впечатление от лекций усиливалось еще и оттого, что внешность невысокого, сухощавого, чуть ссутулившегося человека, говорившего тихим голосом и заикавшегося, резко контрастировала с эмоциональной содержательностью его лекций. В памяти слушателей на долгие годы сохранялись его яркие, образные, полные вдохновения выступления. Ключевский обладал уникальной способностью к перевоплощению: как талантливый актер вживается в создаваемый им образ, так и Ключевский жил в той эпохе, о которой рассказывал слушателям.

Неудивительно поэтому, что его всюду окружали поклонники — студенты, коллеги, деятели литературы и искусства, которым он помогал в создании исторических образов, слушатели публичных лекций. Собственной жизнью подтверждая сказанные им слова о том, что «...преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую»²⁶, Ключевский сумел создать сильную

²¹ Ключевский В.О. Московский университет в письмах и записках // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 432.

²² Ключевский В.О. С.М. Соловьев как преподаватель // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. С. 322—324.

²³ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания. 1881—1914. М., 1997. С. 47.

²⁴ Богословский М.М. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 27.

²⁵ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 47.

²⁶ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 41.

научную школу, воспитать много талантливых ученых. Авторитет Ключевского как профессора был высок не только среди студентов, но и среди коллег, «он был богом, к которому нельзя было подходить с нечистыми помыслами»²⁷. Его заслуги признавали даже те, кто расходился с ним по общественно-политическим вопросам. Яркий тому пример — отношение к нему профессора М.К. Любавского, ректора университета, человека довольно консервативных убеждений. Несмотря на разницу во мнениях, Любавский испытывал к Ключевскому искреннее уважение, особенно подчеркивая, что вся научная деятельность последнего подчинена интересам преподавания, поэтому его лекции так популярны не только среди историков и филологов, но и среди студентов других факультетов. «Можно сказать, — пишет без тени зависти Любавский, — что Василий Осипович опустошал другие аудитории и читать с ним в один час становилось почти невыносимо»²⁸.

На филологическом отделении факультета в разные годы работали не менее талантливые профессора: Ф.И. Буслаев, Н.И. Стожаров, В.Ф. Миллер, Ф.Ф. Фортунатов, Ф.Е. Корш, А.И. Кирпичников, Н.С. Тихонравов. С огромным интересом посещали студенты лекции крупнейшего языковеда Ф.Е. Корша. В отличие от большинства своих коллег, он не готовился специально к каждой лекции и читал их всегда без конспекта, на память. Однако лекции от этого нисколько не страдали: логически стройные, они сочетали в себе богатство содержания и экспромтные остроумные критические замечания. На лекциях Корш демонстрировал широчайшую эрудицию, блестящую память (все цитаты приводились наизусть) и «ярко сверкающую творческую мысль»²⁹.

На юридическом факультете в пореформенное время читали лекции крупные представители буржуазного правоведения. Наиболее плодотворным периодом в развитии научной юриспруденции в России были 1860—1880-е годы, когда в стенах юридического факультета одновременно преподавали такие яркие личности, как Б.Н. Чичерин, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, А.И. Чупров, И.И. Янжул. Во многом благодаря их научной и педагогической деятельности среди молодежи возрос интерес к правовым вопросам. Русские ученые-юристы являлись крупнейшими специалистами в области истории буржуазного конституционного и государственного права, лично были знакомы с видными представителями европейского правоведения. Однако преподавание юридических наук заметно осложнялось рядом обстоятельств: реалии российской действительности резко контрастировали с тем, о чем читали на лекциях профессора — правопорядок и правосознание, свобода личности, чувство законности, ответственность власти перед обществом и т.п. Среди коллег профессора-юристы и историки в наибольшей степени испытывали воздействие колебаний политического маятника

²⁷ Пичета В.И. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 584.

²⁸ Любавский М.К. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. С. 14.

²⁹ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 63.

и подвергались давлению со стороны администрации. В этом отношении показательны судьбы корифеев русского правоведения М.М. Ковалевского и С.А. Муромцева.

М.М. Ковалевский читал лекции о конституционном строе западноевропейских стран с 1877 по 1888 г. Блестяще эрудированный ученый, в совершенстве владевший шестью иностранными языками, знаток итальянской живописи, остроумный и жизнерадостный человек, он производил на слушателей колоссальное впечатление. Лишенный какого бы то ни было профессионального высокомерия, Ковалевский с нескрываемым удовольствием общался со студенческой аудиторией, его лекции «были полны остроумия, доходившего порою до резкой сатиры, в особенности когда, неожиданно отвлекшись от своей темы, он делал экскурсию в область современной российской действительности. Тут иногда невозможно было удержаться от смеха. Случалось, что и сам он заражался настроением аудитории... и тогда его необъятно толстая фигура с красивой львиной головой на могучих плечах также начинала мерно колыхаться на кафедре в такт общему веселью... Всякий раз, когда Максим Максимович читал лекцию, актов зал был битком набит народом ... и он ни разу не спустился с кафедры без дружных аплодисментов всей аудитории»³⁰.

Естественно, что ученый такого масштаба и такой популярности не мог не вызвать опасений у начальства. С середины 1880-х годов ему становится все труднее читать лекции из-за неусыпного контроля инспекторов, а в 1888 г. он был уволен из университета министром народного просвещения И.Д. Деляновым и несколько лет преподавал в крупнейших университетах Европы.

Другой пример — С.А. Муромцев, профессор Московского университета, а затем гласный Московской городской думы и председатель 1-й Государственной думы. Как и Ковалевский, он был человеком яркого научного дарования. Талантливый ученик известного немецкого правоведа Р. Иеринга, он занял профессию, когда ему не было еще и тридцати лет. Сам Муромцев объяснял желание стать профессором стремлением «содействовать широкому распространению знаний среди людей»³¹ и считал профессорскую кафедру наилучшим способом реализации этой цели.

Светлую страницу в историю университета и русского правоведения вписал краткий период профессорства в нем Б.Н. Чичерина (1856—1868) — разносторонне одаренного ученого, талантливого педагога и активного общественного деятеля. Он читал государственное право и историю политических учений «серьезно и увлекательно»³². Кроме колоссальных знаний, Чичерин производил на студентов неизгладимое впечатление безукоризненно аккуратной внешностью и вежливым, корректным отношением. Потомственный

³⁰ Щетинин Б.А. Первые шаги // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 540—541.

³¹ Цит. по кн.: Кизеветтер А.А. С.А. Муромцев — председатель 1-й Государственной думы. М., 1918. С. 6.

³² Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном. (1864—1909). СПб., 1910. Т. 1—2. С. 36.

дворянин, прекрасно воспитанный и образованный, не стесненный в средствах, на юридическом факультете он представлял образец эlegantности. Нередки были случаи, когда студенты других факультетов, мало разбиравшиеся в юридических тонкостях, приходили на лекции Чичерина только для того, чтобы полюбоваться на красивого профессора, с достоинством и благородством излагавшего материал.

Выдающейся личностью юридического факультета был А.И. Чупров, которого можно по праву считать персонифицированным символом Московского университета конца XIX в. Он обладал всеми качествами, необходимыми для формального лидерства в профессорской среде: выдающиеся интеллектуальные способности удачно соединялись с такими же качествами души и сердца. Любимец не только студентов и коллег, но и всей московской интеллигенции, Чупров, по словам А. Ф. Фортунатова, был «воспитателем и умственным цементом для людей»³³. Время его профессорства было периодом поиска академического компромисса во имя сохранения университета как мощного научно-культурного центра.

Можно с определенностью сказать, что во второй половине XIX в. Ковалевский, Чупров, Муромцев, Чичерин, Янжул были ключевыми фигурами на юридическом факультете. Широкая эрудиция, педагогический талант в сочетании с высокими моральными принципами вполне заслуженно делали их любимцами не только студентов, но и всей просвещенной Москвы. Вторая половина XIX — начало XX в. — плодотворное в творческом отношении время в развитии наук естественного цикла. Блестящий профессорский состав работал в эти годы на физико-математическом факультете университета и в таких московских вузах, как Техническое училище и Петровская сельскохозяйственная и лесная академия (позднее Сельскохозяйственный институт). Многие профессора естественных и точных наук обладали прекрасным даром слова, умели ясно и образно, но в то же время точно и конкретно излагать материал, вследствие чего их лекции и практические занятия всегда собирали большое число слушателей.

С началом преподавательской деятельности в университете А.Г. Столетова связаны новый этап в развитии отечественной физики и появление целой плеяды выдающихся ученых. Чтение Столетовым общего курса физики нисколько не уступало традициям лучших западных университетов. Его лекции сопровождались большим количеством блестящих, глубоко продуманных опытов и серьезной научной критикой преподаваемого материала. Столетов читал одновременно для математиков, естественников и медиков. Из-за огромного числа слушателей ему предоставили самую большую аудиторию, рассчитанную на 600 человек. Но даже она не могла вместить всех желающих. Как вспоминал один из учеников Столетова, «студентов набиралось больше тысячи человек. В дверях, когда их открывали,

³³ Фортунатов А.Ф. О восьми наставниках // Вестник воспитания. 1917. № 8—9. С. 146.

происходила ужасающая давка, а в самой аудитории скамейки, все проходы и внизу все свободное место у кафедры занимали густой толпой студенты. Александр Григорьевич, выдающийся знаток своего предмета, мастер слова, всецело захватывал внимание студентов, которые никогда не пропускали его лекций»³⁴.

Во второй половине XIX в. чрезвычайно динамично развивается естественнаучное направление, создаются научные школы, появляются новые дисциплины. Биологию, минералогию, геологию, химию читали в московских вузах известные широкой аудитории профессора: К.А. Тимирязев, В.И. Вернадский, Д.Н. Анучин, А.П. Богданов, Г.Е. Щуровский, В.В. Марковников, И.А. Каблуков и другие.

А.П. Богданов, создавший широко известную московскую школу зоологов, начал преподавательскую деятельность в 1858 г. двадцатичетырехлетним юношей и сразу же с огромной энергией и энтузиазмом приступил к составлению своего оригинального курса. Как и большинство профессоров, он очень щепетильно и требовательно относился к их подготовке. Его биограф отмечает, что «накануне лекции он был невидим и недоступен даже для самых близких людей, даже для своих семейных»³⁵. В высшей степени серьезное отношение к преподаванию Богданов сохранил и в почтенном возрасте, после многих лет успешной работы. Одной из запоминающихся особенностей его преподавания было то, что, увлекаясь читаемым материалом, он нередко отступал от плана лекции. Но именно эти отступления, во время которых, как говорили его ученики, «Богданов жил», наиболее выпукло показывали его любовь к науке, преданность ее интересам.

Одним из наиболее способных учеников Богданова был профессор зоологии С.А. Усов. Он обладал выдающимися интеллектуальными способностями, однако не стал ученым с мировым именем подобно своему учителю. Усов не питал склонности к систематическому труду, к длительной и кропотливой работе в музеях и лабораториях, без которой невозможна исследовательская деятельность ученого-естественника. Известность и уважение среди коллег и студентов он заслужил благодаря педагогическому таланту. Как лектор, он обладал поэтическим даром описания, умел преподавать даже самые трудные и малоинтересные темы живым образным языком, лишенным вычурности и показной эффектности. Для учеников он был не только любимым учителем, но «другом и руководителем, помогавшим теплым участием и советом, доступным всем своей простотой и радушием... Это был человек, около которого не было холодно»³⁶.

Патриархом среди московских профессоров-естественников был Г.Е. Щуровский. Став профессором университета в 1832 г.,

³⁴Танеев В.П. Воспоминания о К.А. Тимирязеве // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 519.

³⁵Зограф Н.Ю. Отрадная страница из истории русской науки. А.П. Богданов // Журнал министерства народного просвещения. 1899. № 9(4). Ч. 325. С. 213.

³⁶Анучин Д.Н. О людях русской науки. М., 1952. С. 224.

он в течение 45 лет возглавлял кафедру геологии и минералогии. Прекрасно владевший словом, широко эрудированный и остроумный, но вместе с тем очень требовательный и строгий, профессор Щуровский на протяжении всех лет работы оставался одной из самых заметных фигур в университете. Абсолютно лишенный научного тщеславия и снобизма, став ученым с мировой известностью, он всегда был строг по отношению к собственным знаниям и опыту. На протяжении десятков лет профессор тщательно и аккуратно готовился к каждой лекции; обычно сдержанный и спокойный, он каждый раз, вступая на кафедру, испытывал сильное волнение. До глубокой старости сохраняя страстную любовь к науке, он оставался интересен слушателям. Кроме того, Щуровский был широко известен Москве как талантливый популяризатор науки. Он активно содействовал распространению геологических знаний: публиковал блестящие научно-популярные статьи, устраивал геологические экскурсии в окрестностях Москвы, создал геологический отдел в Политехническом музее.

Преподавание химии и становление химической науки в Москве прочно связано с именем профессора университета В.В. Марковникова. До его прихода на кафедру в 1874 г. химия в московских вузах практически не преподавалась. Как отмечали впоследствии его ученики и коллеги, для Москвы Марковников сделал то же, что А.М. Бутлеров и Д.И. Менделеев — для Петербурга. Сложный человек, но безусловно талантливый педагог, Марковников за несколько лет работы сумел создать собственную школу и дать мощный импульс развитию химической науки: из-под его крыла вышли такие известные ученые, как М.И. Коновалов, И.А. Каблуков, В.Ф. Лугинин.

Среди профессоров естественнонаучного направления одной из самых ярких фигур по широте эрудиции, по силе воздействия на аудиторию был К.А. Тимирязев. Это был в полном смысле слова любимец студентов, коллег и всей образованной Москвы. Аудитории, в которых читал профессор, всегда были переполнены, и почти каждое выступление талантливого ученого завершалось овациями. Прекрасный оратор, он поражал слушателей глубиной знаний, широким, лишенным всякого догматизма подходом к научным проблемам, свободой и независимостью взглядов, твердой гражданской позицией. Его педагогическая и научная деятельность складывались непросто: Министерство просвещения с большим подозрением относилось к Клименту Аркадьевичу, чинило всевозможные препятствия в работе и не уволило из университета только из-за его огромной популярности в России и известности за границей.

Вторая половина XIX — начало XX в. — блестящий период в развитии русской медицинской науки, большой вклад в развитие которой внесли московские ученые-профессора. В середине XIX в. самым известным врачом Москвы, снискавшим любовь студентов и привязанность жителей, был профессор Ф.И. Иноземцев. По его инициативе созданы Общество русских врачей и факультетская хирургическая клиника, на собственные средства он основал Московскую

Московскую медицинскую газету, первым применил в хирургии эфирный наркоз. Иноземцев учил молодых врачей лечить не болезнь, а больного, видел в пациенте не субъекта, представляющего научный интерес, а человека, которого надо спасти от смерти. С кафедры студенты слышали не только талантливого ученого, но и глубоко порядочного и честного человека. «Закон нравственный и честность одни и те же для науки и для жизни», — такими словами он нередко напутствовал учеников³⁷. Сам он строго следовал этому принципу и в науке, и в отношениях с пациентами, коллегами и студентами. Как о человеке и как о враче все отзывались о нем с лучшей стороны. Со всей Москвы и из других городов обращались к нему кто за помощью, кто за покровительством, и он делал все, что было в его силах. Его репутация врача была безупречна не только в профессиональном, но и в человеческом отношении.

Большой вклад в развитие отечественной медицины внес Н.Ф. Филатов. Вся его жизнь была посвящена научной и педагогической деятельности. Благодаря его колоссальным усилиям в России создана педиатрия как самостоятельная отрасль медицины. От природы наделенный выдающимся интеллектом, он стоял в ряду самых талантливых профессоров Москвы, а среди студентов считался «популярнейшим, любимым учителем»³⁸. Его лекции, простые и понятные, излагались красивым литературным языком. Одним из важнейших свойств личности этого профессора была человеческая и профессиональная честность. У коллег по университету и клинике он считался образцом врачебной этики, а среди учеников приобрел репутацию справедливого педагога, которого неоднократно избирали в качестве арбитра для решения спорных вопросов³⁹. Признательность и уважение к любимому профессору ученики сохраняли на многие годы, продолжали посещать его лекции, поэтому аудитория, в которой читал профессор, «всегда была полна сверху донизу»⁴⁰.

Итак, можно сказать, что подавляющее большинство московских профессоров были людьми высоко одаренными, творчески активными, с развитым чувством гражданского долга. Давая характеристику профессорам с методической и педагогической точек зрения, можно отметить большую информационную емкость их занятий. При этом лекции не были перегружены зачастую ненужными сведениями и оставляли много места для самостоятельной работы молодого ума.

Повседневную жизнь профессоров достаточно сложно отделить от научной и педагогической работы, поскольку она представляла собой «ритуалы», непосредственно связанные с профессиональной деятельностью. Совершенно очевидно, что профессора были обычными

Повседневная
жизнь

³⁷ Там же. С. 730.

³⁸ Неизвестный автор // Памяти профессора Н.Ф. Филатова. М., 1902. С. 23.

³⁹ Там же. С. 27.

⁴⁰ Там же.

людьми и жизнь большинства из них не ограничивалась студенческой аудиторией или кабинетом, она была насыщена самыми разными событиями и переживаниями. Вместе с тем их повседневную жизнь нельзя сводить к простому бытописанию, она была гораздо шире и включала в себя широкий спектр взаимосвязей и отношений, чувств и эмоций, поступков и оценок происходящего.

Из внешних факторов обыденной жизни определяющее значение имел уровень материальной обеспеченности профессуры. Несмотря на то что профессора принадлежали к наиболее обеспеченной части российского общества, далеко не все они жили в достатке. Главная причина заключалась в том, что профессорские оклады не повышались со времени принятия устава 1864 г.⁴¹ и к концу XIX столетия явно не соответствовали уровню цен и потому не всегда удовлетворяли даже самые насущные потребности. Помимо средств на содержание семьи большую статью расходов составляли покупка необходимой литературы, коллекций и оборудования для лабораторий, а также заграничные поездки, которые требовали немалых личных вложений.

Ограниченность в средствах, а иногда и настоящее безденежье вынуждали профессоров вести очень скромную жизнь. К числу материально благополучных относилось меньшинство профессоров, главным образом это были выходцы из семей крупнопоместного дворянства. Основная же масса жила профессорским жалованьем и гонорарами от публицистической деятельности.

Условия жизни и материальное положение оказывали огромное влияние на состояние здоровья профессоров. Большое физическое и эмоциональное напряжение, связанное с интеллектуальным трудом, давление внешних обстоятельств неблагоприятно отражались на здоровье. Так, например, П.Н. Лебедев мучился остерейшими приступами сердечной недостаточности и иногда на многие недели оказывался прикованным к постели. Для активного и энергичного ученого были мучительны периоды такого вынужденного безделья. «Моя сердечная болезнь так обострилась, что малейшее усилие, даже хождение по комнате, бывает для меня абсолютно невозможным, — писал он своему учителю немецкому физику-экспериментатору Ф. Кольраушу. — Кроме того, мне становится еще труднее воздерживаться от моих научных работ, уходит интерес и цель моего существования: моим чудесным планам... суждено обратиться в прах»⁴². Однако, несмотря на тяжелое заболевание, Петр Николаевич был очень сильным человеком и, как мог, противостоял болезни, старался много времени отдавать спорту.

Поддерживать здоровье профессорам помогало строгое соблюдение распорядка дня, выработанного в молодые годы, которому они

⁴¹ Устав 1864 г. считается самым либеральным в истории дореволюционной России. Он восстанавливал университетское самоуправление, ликвидированное уставом 1835 г., а также увеличивал штат профессорско-преподавательского состава и повышал их социальное и материальное положение.

⁴² Лебедев П.Н. Письмо Ф. Кольраушу от 20 апреля 1901 г. // Научная переписка П.Н. Лебедева. М., 1990. С. 175.

следовали на протяжении многих лет. Профессора в большинстве своем вставали рано, в пять-шесть часов. Утренние часы до начала занятий посвящались кабинетной работе. После лекций профессора трудились в лабораториях, архивах, музеях, вели индивидуальные занятия со студентами. В пять-шесть часов вечера профессора обедали, после следовал небольшой отдых, заключающийся, как правило, в чтении литературы и просмотре периодической печати, а затем до десяти-одиннадцати вечера — снова кабинетные занятия, встречи с друзьями или посещение театров, выставок, концертов. Кроме того, некоторые из них имели устоявшиеся привычки, которые позволяли сохранять высокую работоспособность.

Важный с эмоционально-психологической точки зрения пласт «мирской» повседневности составляют вопросы, связанные с изучением наиболее типичных форм досуга. Интересы профессуры выходили далеко за рамки научных и околonaучных тем. Московские профессора умели и любили отдыхать.

Несомненно, ведущим интересом являлся интерес к литературе, воспитанный с детства. Чтение было неотъемлемой формой повседневной жизни профессоров, а сфера литературных интересов была чрезвычайно разнообразна: от античной поэзии и философии, сочинений по географии и искусству до современной отечественной и зарубежной прозы и публицистики. Не чужды были профессора и высокой поэзии, некоторые обладали поэтическим чувством и сами писали стихи (А.И. Чупров, А.И. Кирпичников, А.А. Остроумов, Ф.А. Бредихин, Н.В. Склифосовский).

К чтению профессора относились серьезно, воспринимали его как глубокую внутреннюю работу, поэтому особенно ценили классическую литературу, лучшие образцы которой содержали в себе нравственные ценности, которыми русские интеллигенты руководствовались в жизни. «Если во мне что-нибудь и есть, — писал в воспоминаниях Ф.И. Буслаев, — то всем этим я обязан всем великим гениям, произведениями которых я если не вдохновлялся, то, по крайней мере, приходил в возвышавшее меня нравственное созерцание»⁴³.

Следующим в иерархии интересов московской профессуры стояло увлечение искусством и художественным творчеством — музыкой, театром, живописью. Многие профессоров, особенно в дворянских семьях, родители обучали игре на музыкальных инструментах. Эта любовь сохранялась, как правило, на всю жизнь. Профессора регулярно ходили на концерты, с удовольствием музицировали дома. Музыка была для них прекрасным видом отдыха, ее благотворное влияние отмечали многие. В гармонии звуков видел огромный источник жизненных сил А.И. Чупров: «Слушал Бетховена. Наслаждение получил огромное... Музыка уносит душу в какую-то таинственную даль, где живет все, на что надеется человек»⁴⁴. Похожие эмоциональные переживания вызывала музыка в душе Ф.Е. Орлова:

⁴³ Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 272.

⁴⁴ Чупров А.И. Дневники и записные книжки. 1886—1895. ЦИАМ. Ф. 2244. Оп. 1. № 450. Л. 25.

«Играл оркестр Дитриха... и я наслаждался прекрасной музыкой. Как широко дышит грудь, как рвется душа, увлекаемая гармонией звуков... Звуки льются, в воображении встают милые образы, улыбается счастье»⁴⁵.

Кроме концертов московские профессора с большим удовольствием смотрели театральные постановки, среди них встречались настоящие знатоки драматургии и страстные театралы (Н.Е. Жуковский, В.О. Ковалевский, М.С. Корелин, А.И. Чупров, Н.С. Тихонравов). Огромной популярностью у самых широких кругов общественности Москвы пользовался Малый театр. Его постановки всегда вызывали повышенный интерес публики, они имели огромное нравственное и воспитательное значение. По словам историка А.А. Кизеветтера, который был большим поклонником театра и лично знал многих выдающихся мастеров сцены, постановки Малого театра «бросали спасательный круг... москвичу, порою готовому захлебнуться в стоячих водах безвременья»⁴⁶. Некоторые профессора не только регулярно посещали театральные премьеры, но и принимали активное участие в эстетических спорах того времени.

Среди прочих художественных интересов отчетливо прослеживается увлечение профессоров классическим искусством. Серьезное знакомство с историей искусства начиналось, как правило, во время путешествий по Европе. Сокровища Рима и Неаполя, Лувра и Дрезденской галереи производили огромное впечатление на молодых людей, до этого знакомых с творениями великих мастеров только по книгам. Эти впечатления были настолько ярко эмоционально окрашены, что даже спустя многие годы профессора помнили о них в мельчайших подробностях, как о «минутах полного уединения» (Б.Н. Чичерин) говорили о знакомстве с художественными памятниками прошлого.

Эстетическое восприятие действительности не ограничивалось рамками художественного творчества; оно простиралось на «главного творца всего прекрасного» — природу. Профессора любили и тонко чувствовали природу, она помогала им и в научном творчестве, и в восполнении душевных сил. В источниках можно встретить удивительные по красоте и изяществу стиля описания природы, которые ничем не уступают творениям великих мастеров слова. А.И. Чупров писал в дневнике: «Отправились (с женой) к красавице Оке... По дороге любовались прекрасными видами по сторонам... Все это создает картину какого-то мирного, ласкающего благополучия и переносит в лучшие времена давно прошедшей юности, и даже не реальной прошлой юности, а какой-то идеальной, о которой только мечтаешь... Нельзя передать словами то блаженное состояние, в которое погружается душа при виде здешних благодатных мест»⁴⁷. Общение с природой затрагивало самые потаенные уголки души и было настолько

⁴⁵ Орлов Ф.Е. Дневник заграничной командировки (1869—1872). М., 1898. С. 47.

⁴⁶ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 167.

⁴⁷ Чупров А.И. Указ. соч. Л. 13.

глубоко интимно, что воспринималось некоторыми профессорами как священное действо, в котором не должно быть посторонних. По этому поводу очень изящно и тонко написал Б.Н. Чичерин: «Природу, как женщину, надо видеть наедине, чтобы вполне ее понять и чтобы впечатление от нее проникло в самую глубину души»⁴⁸.

Круг общения профессоров Москвы был достаточно широк и во многом определялся их активной профессиональной и общественной деятельностью. В их повседневной жизни большую роль играли встречи интеллектуальной и творческой элиты в салонах известных людей. Можно сказать, что это была не только наиболее популярная форма общения и коллективного отдыха московской профессуры, но и определенная форма социокультурной практики, которая наглядно отражала характерную для рубежа столетий тенденцию к духовному единению разных слоев российского общества. Каждый, кто приходил на такие встречи, находил себе подходящий круг общения. На этих собраниях читались исторические, философские и литературные произведения, дебатировалось и разрешалось множество отвлеченных и жизненных вопросов, зарождались новые общественные и культурные начинания.

Дружеские вечера проходили и в домах самих ученых. Популярными центрами встреч профессорской интеллигенции в 1870—1880-х годах были дома И.И. Янжула, А.И. Чупрова, С.А. Муромцева, Н.И. Стороженко, В.И. Герье и П.Г. Виноградова, куда часто приглашались студенты. Такой вид неформального общения способствовал не только духовному единению, но и направленному развитию науки, привлечению новых сил в научное сообщество. Эти встречи приносили радость общения с друзьями и способствовали распространению новых идей и усвоению молодыми учеными этических идеалов, характерных для профессорской культуры.

Не менее значимым для профессоров было более тесное общение в кругу близких друзей и родных, которымверялись самые сокровенные мысли и переживания. Поддержка и внимание друзей ценились в профессорской среде чрезвычайно высоко. Искреннее желание помочь человеку, попавшему в затруднительное положение, ободрить, поддержать не только словом, но и делом, было естественным для профессоров. «Излюбленный человек всей Москвы» — так отзывались об одном из самых популярных профессоров Москвы А.И. Чупрове. Многочисленные воспоминания современников свидетельствуют о нем как о человеке редкой личной доброты и щедрости. Обратиться к нему за помощью мог не только близкий друг, но и совершенно незнакомый человек, и он мог быть уверен в том, что не встретит отказа. А.А. Кизеветтер во время одного из своих первых визитов к А.И. Чупрову, «был поражен видом той комнаты, в которой ожидали своей очереди люди... В первую минуту можно было подумать, что вы попали не в приемную ученого-профессора, а в приемную какого-нибудь знаменитого доктора,

⁴⁸ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 91.

имеющего обширную практику в самых разных слоях населения... И всем он давал ободряющие советы и указания»⁴⁹.

Огромную роль в повседневном бытии человека играет его ближайшее окружение — семья. Реконструировать личную жизнь профессоров крайне сложно. Далеко не все пишут об этой стороне жизни, что вполне объяснимо: область интимных переживаний, «святая святых» не предназначалась для посторонних. Вместе с тем в ряде источников, особенно в дневниках и письмах, содержатся настолько эмоциональные строки, что их можно отнести к лучшим образцам любовной прозы. Глубокими чувствами и трепетным отношением дышит каждое письмо великого ученого Вернадского к невесте, а затем супруге Наталье Егоровне, с которой они прожили «душа в душу, мысль в мысль» пятьдесят шесть лет. «Милая моя Тутя!», «Моя славная, милая девочка!», «Мое сокровище нежно любимое!», «Дорогой мой, родной, славный цыпленок!» — так ласково обращался великий ученый к жене на протяжении всей жизни⁵⁰. Даже последние письма, написанные на закате лет, по-прежнему нежны и трогательны.

К созданию семьи относились очень серьезно, «понимая всю ответственность брачного шага»⁵¹. Для профессоров важным было найти в своих спутницах не только «идеал женской грации, чистоты и изящества внешнего и внутреннего»⁵², но и верных друзей, надежных помощников в работе. «Моя жена — мой неизменный друг до смерти», — писал И.М. Сеченов⁵³. «В нашей матери, — вспоминала А.И. Цветаева, — отец нашел себе верного помощника по труду... Свободно владея четырьмя языками, она не раз ездила с отцом в художественные центры, вела всю его переписку»⁵⁴. Духовное родство любящих людей являлось источником огромной силы, которая помогала преодолевать все жизненные преграды и трудности. Понимая это, многие профессора тяготились одиночеством и настойчиво стремились создать семью, опровергая, таким образом, распространенное мнение, что творческий человек должен быть одинок.

Мировоззрение

Важнейший пласт повседневности составляют экзистенциальные вопросы: о Боге, жизни и смерти, добре и зле, счастье и любви, судьбе и памяти, об осмыслении человеком себя во временной и исторической перспективе. Можно с полной определенностью говорить о том, что философско-мировоззренческие вопросы сущностно определяют всю иерархию жизненных ценностей и осознание их человеком позволяет выйти на совершенно новый уровень внутренней свободы, стать независимым от давления обстоятельств и ситуационных проблем.

⁴⁹ Там же. С. 171.

⁵⁰ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1886—1900. М., 1988. Т. 1—3.

⁵¹ Янжул И.И. Указ. соч. Т. 1. С. 84.

⁵² Чичерин Б.Н. Воспоминания. (Москва 1840-х гг.). М., 1991. С. 84.

⁵³ Сеченов И.М. Автобиографические записки. М., 1945. С. 121.

⁵⁴ Цветаева А.И. Воспоминания. М., 1995. С. 26.

Среди нравственно-этических доминант, определяющих отношение человека к миру, одним из важнейших является религиозное чувство. Вести речь о религиозности профессоров следует преимущественно в социально-этическом контексте. Их отношение к религии вообще, и к православию в частности, было неоднозначным. С одной стороны, религиозность рассматривалась как внутренняя потребность в духовно-нравственном стержне, как имманентно присущее человеку ощущение веры в некую онтологическую идею (при этом вопрос персонификации этой идеи не имеет принципиального значения). С другой стороны, подход профессоров к вопросам религии во многом был продиктован их профессиональной деятельностью — интеллектуальным трудом, выработанной привычкой ко всему подходить с позиций глубокого рационального осмысления.

Московской профессуре в массе своей была присуща внутренняя религиозность при выраженном равнодушии к формально-обрядовой стороне. В.И. Вернадский, который в религии видел прежде всего универсальное этическое начало, писал: «Для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Мне не нужны слова и образы, которые отвечают моему религиозному чувству»⁵⁵. И далее: «Религиозное чувство и есть сумма нравственных стремлений, которые могут облекаться в те или иные формы — но самые формы имеют очень малое значение»⁵⁶.

Большое внимание в русской культурной среде второй половины XIX в. уделялось поискам социально-преобразовательной силы православия, основанной не на непогрешимости учений святых отцов, а на общечеловеческих принципах социальной справедливости и гуманизма. Профессорская интеллигенция в силу острой заинтересованности в формировании новой культурной парадигмы, в дальнейшем раскрепощении личности не могла оставаться в стороне от этих дискуссий.

В неразрывном единстве с религиозными воззрениями профессоров находится вопрос об их отношении к смерти. Профессора с глубоким философским осмыслением относились к смерти. «Самым умным в жизни», «великим математиком» считал смерть В.О. Ключевский, ибо только она, на его взгляд, «исправляет все ошибки и глупости жизни, безошибочно решает все задачи»⁵⁷. Страха смерти профессора не испытывали, встречали ее «с полным осознанием и спокойствием духа»⁵⁸. Это спокойствие объясняется, на наш взгляд, принципиально иным уровнем восприятия действительности, более широкой включенностью сознания в осмысление сущности бытия. Смысл человеческой жизни заключается не только в удовлетворении потребностей в материальном благополучии, любви, радости труда и творчества, но главное — в осознании себя как части огромного

⁵⁵ Вернадский В.И. Письма... Т. 1. С. 132.

⁵⁶ Вернадский В.И. Страницы автобиографии. М., 2001. С. 155.

⁵⁷ Ключевский В.О. Афоризмы... С. 9, 14.

⁵⁸ Неизвестный автор // Памяти Е.В. Амфитеатрова. М., 1888. С. 28.

пространства и его познании через актуализацию собственного духовного начала. Поэтому смерть многими профессорами воспринималась как итог выполненной жизненной задачи.

Размышления о скоротечности человеческого существования, стремление максимально выполнить поставленные задачи, а также развитое чувство ответственности перед современниками и потомками способствовали развитию привычки к глубокому самоанализу, критическому отношению к собственной личности и результатам своего труда. Уровень самокритики многих из них был необычайно высок, наедине с собой они были искренни и честно могли признать себя во многих слабостях и недостатках, каким бы нелিপеприятным и временами жестоким ни было это признание. Показательны в этом отношении размышления В.О. Ковалевского, высказанные в письмах к брату незадолго до трагической кончины в результате самоубийства в 1883 г. Ученый сознательно готовился к этому шагу, вызванному финансовым банкротством, и все его слова адресованы не столько брату, сколько самому себе, это своеобразный отчет о прожитой жизни: «Право, надо же когда-нибудь разобрать себя и понять; к сожалению, это пришло слишком поздно, и старое предписание — «познай самого себя» — уже едва ли может помочь. Я имел это удовольствие — познакомиться с самим собою — только в эту зиму; до сих пор я не имел понятия о самом себе... Симптомов поверхностности масса — куда ни взгляни на свою жизнь... Величайший мой враг — это я сам»⁵⁹.

Позднее В.О. Ключевский неоднократно писал, что в современном ему обществе потребность в общении человека с самим собой была крайне невелика и заслонялась обыденными житейскими делами и проблемами. Это явление он назвал «боязнью нравственного одиночества», вызванного все возрастающим темпом жизни и урбанизацией, когда «среди шума от езды по каменной мостовой не слышно колокольного звона»⁶⁰. «Люди ищут себя везде, только не в самих себе, — с сожалением писал ученый. — Человеку легче добраться мыслью до отдаленнейшего созвездия, чем до самого себя, и можно опасаться, что он доберется до себя, когда уже не останется ни одного созвездия»⁶¹. Об этом же писал в дневнике Ф.Е. Орлов: «До сих пор, а я уже доживаю до четвертого десятка, не мог я себе вполне уяснить себя самого, определить свои силы, бросить ясный взгляд на прошедшее, составить решительный план будущего. Постоянно погруженный в специальные, часто мелочные размышления, я отвык или, лучше сказать, не привык к общему философскому созерцанию, мало имею времени для изучения жизни, для разрешения самых неотложных вопросов в области человеческих убеждений и воззрений... Иногда я прихожу в ужас от мысли, неужели всю жизнь я останусь недозрелым, хотя и прилежным *учеником* (курсив автора)»⁶².

⁵⁹ Ковалевский В.О. Указ. соч. С. 419-422.

⁶⁰ Там же. С. 39.

⁶¹ Там же. С. 53.

⁶² Орлов Ф.Е. Указ. соч. С. 81.

Эти тревожные симптомы времени были вызваны общим кризисом культуры и связанным с ним кризисом личности, а точнее — кризисом традиционных, устойчивых представлений о роли личности в истории и культуре. Глубинным трансформациям общественных структур, как правило, сопутствует социальная нестабильность, которая, в свою очередь, ведет к возникновению кризиса идентичности личности. Его можно определить как особую ситуацию массового сознания (и, естественно, сознания отдельного индивида), когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определял себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свою ценность. Поэтому размышления представителей интеллектуальной и творческой интеллигенции о самоопределении личности в меняющейся социокультурной ситуации, о необходимости внутреннего диалога были не очередным модным поветрием в среде российской элиты, а острой потребностью времени.

Алфавитный список профессоров Москвы, сведения о которых использованы в работе

Приложение

Естественнонаучное направление

Математика, механика, астрономия: Ф.А. Бредихин, Н.В. Бугаев, А.П. Гавриленко, А.Ю. Давидов, В.К. Делла-Вос, А.С. Ершов, Н.Е. Зернов, Ф.Е. Орлов.
Физика: Н.Е. Жуковский, П.Н. Лебедев, Н.А. Любимов, А.Г. Столетов, Н.А. Умов.
Химия: И.А. Каблуков, М.И. Коновалов, В.Ф. Лугинин, В.В. Марковников.
Биология, антропология, этнография: Д.Н. Анучин, А.П. Богданов, Н.Н. Кауфман, И.М. Сеченов, К.А. Тимирязев, А.А. Тихомиров, С.А. Усов.
Геология: В.И. Вернадский, В.О. Ковалевский, А.С. Павлов, Г.Е. Щуровский.
Медицина: А.И. Бабухин, А.Я. Борзенков, Г.А. Захарьин, Ф.И. Иноземцев, И.Ф. Огнев, А.А. Остроумов, Н.В. Склифосовский, Н.Ф. Филатов.

Гуманитарное направление

Языкознание: О.М. Бодянский, Ф.И. Буслаев, А.И. Кирпичников, И.М. Снегирев, Ф.Ф. Фортунатов, А.Н. Шварц.
Сравнительное языкознание и ориенталистика: Ф.Е. Корш, В.Ф. Миллер, П.Я. Петров.
Литературоведение: Н.И. Стороженко, Н.С. Тихонравов.
История: Е.В. Амфитеатров, П.Г. Виноградов, В.И. Герье, С.В. Ешевский, А.А. Кизеветтер, В.О. Ключевский, М.С. Корелин, П.Н. Кудрявцев, П.Н. Лебедев, А.Н. Савин, С.М. Соловьев, И.В. Цветаев.
Философия: Н.Я. Грот.
Экономика, статистика: Н.А. Каблуков, А.Ф. Фортунатов, А.И. Чупров, И. И. Янжул.
Юриспруденция: С.И. Баршев, Н.П. Боголепов, М.М. Ковалевский, Н.И. Крылов, С.А. Муромцев, Б.Н. Чичерин.